

УДК 821.161.1-1 Сумбатов

А.С.ПУШКИН И М.Ю.ЛЕРМОНТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ В.А.СУМБАТОВА**Н.С.Титова****A.S.PUSHKIN AND M.YU.LERMONTOV IN THE ARTISTIC WORLD OF V.A.SUMBATOV****N.S.Titova***Одинцовский гуманитарный университет, ns_titova@mail.ru*

В статье анализируется художественный мир поэта первой волны русской эмиграции в Италии В.А.Сумбатова в соотнесении с наследием Пушкина и Лермонтова. Активно привлекаются архивные документы и публикации малотиражных изданий периодики Русского зарубежья.

Ключевые слова: Пушкин, Лермонтов, поэзия первой волны Русской эмиграции, художественный мир В.А.Сумбатова, традиции русской литературы

The artistic world of a poet Vasily Sumbatov, who belonged to the first wave of Russian emigration in Italy, is analyzed in correlation with the legacy of Pushkin and Lermontov. Archive materials and publications from small-circulation periodicals of Russian emigration are used.

Keywords: Pushkin, Lermontov, poetry of the first wave of Russian emigration, artistic world of Vasily Sumbatov, traditions of Russian literature

Поэт первой волны русской эмиграции Василий Александрович Сумбатов (25 декабря 1893 / 7 января 1894, Санкт-Петербург — 8 июля 1977, Ливорно), эмигрировавший из России во время Гражданской войны и проживший в Италии более пятидесяти лет, в программном стихотворении «Старовер» [1], вошедшем в первый сборник стихотворений (1922) [2], декларировал свое поэтическое кредо и, не гонясь «за новизной / Пустой, надуманной и хилой», объявлял себя продолжателем традиций русской классической литературы:

Люблю я Лермонтовский стих
И песни Пушкина живые
Всегда во всем учусь у них,
Твердя их строфы огневые.
.....
Я современных чужд химер,

И не влечет меня их танец,
Между певцов я старовер
И в новом мире чужестранец [1].

Потаенно обозначает Сумбатов традиции Пушкина и Лермонтова во многих стихотворениях сборника 1922 года, объединяя священные для каждого русского человека имена — не только в виде открытой декларации, как в стихотворении «Старовер», но и имплицитно (разные формы цитирования, аллюзии, реминисценции, жанровые, композиционные особенности, смысловое наполнение заглавий и т.п.). О связи Сумбатова с предшественниками неоднократно писала во многих работах литературовед Л.Ф.Алексеева [3].

Пушкин стал в Русском зарубежье знаменем утраченной России, центром, вокруг которого полу-

чали возможность объединяться эмигранты различных политических и идеологических взглядов, поэтому столь популярными в странах рассеяния стали «Дни Русской культуры», чаще приуроченные ко дню рождения «первого русского поэта» [4], поскольку гений Пушкина осознавался как «эра нашей культурно-национальной зрелости, память того момента, когда русская культура получила право на мировое значение» [5].

Лермонтов также оказался близок русской эмиграции. Об этом писали Г.В.Адамович, П.М.Бицилли, Б.К.Зайцев, Вяч.И.Иванов, В.В.Зеньковский, П.Б.Струве и др. В статье «Лермонтовский интертекст в творчестве Ю.Фельзена» Н.В.Летаева [6] предприняла попытку исследования влияния, какое оказал «гонимый миром странник <...> с русской душой» на творчество эмигрантов.

В антологию «Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов: Из наследия первой эмиграции», составленную М.Д.Филиным, включено и «Стихотворение» В.Сумбатова, наряду со стихотворениями И.Северянина, Г.Иванова, Н.Туровой, В.Смоленского, историко-культурными, публицистическими, философскими, критическими работами П.Б.Струве, Ю.Фельзена, Б.Зайцева, Г.Адамовича, К.Мочульского, Вяч.Иванова, А.Ремизова, В.Перелешина, Н.Белаиной, Ю.Анненкова и др. [7].

Сумбатов осознавал значение любимых поэтов не только для словесности, но и для России, для каждого человека, воспринимая Пушкина и Лермонтова, их наследие как целостность, или иконосферу, и объединял имена обоих поэтов, своим творчеством указывающих вектор в мир Горний.

В повести «Детство» — I части задуманного (но, к сожалению, неоконченного) большого романа «Ковер над бездной» [8] — Сумбатов, продолжив традиции создателей автобиографических произведений Л.Н.Толстого и С.Т.Аксакова, М.Горького и И.А.Бунина, отметил, что в родительском доме главному герою повести Васильку¹ не только привили чувство любви к родине, к природе средней полосы России, уважение к защитникам Отечества, но и пробудили интерес к истории, литературному чтению, одобрили первые стихотворные сочинения. В иерархии литературных приоритетов (кумиров-ориентиров) Пушкин и Лермонтов заняли первое место.

Много лет спустя в эмиграции поэт вспоминал, как в Петербурге при поступлении в частную школу мальчику устроили экзамен и вместо диктанта предложили написать любимое стихотворение: «Я взял перо и задумался. Я, на самом деле, знал много стихотворений и Пушкина, и Лермонтова, но самые любимые были все длинны для диктанта <...> Я долго думал, выбирая, пока Любовь Павловна не сказала мне, смеясь: “Ты, кажется, сочиняешь собственные стихи? Начинать писать”. Я обмакнул перо в чернильницу и вдруг вспомнил, что лермонтовский *Ангел* не очень длинен, и что мамá очень любит это стихотворение» [8, с. 88]. Таким образом, в детстве были обозначены приоритеты. Поэт будет любить и других поэтов, но две звезды первой величины, две сияющие вершины — Пушкин и Лермонтов — это на всю жизнь.

В стихотворении «Сны воспоминаний» поэт-эмигрант пишет о своей сокровенной любви к чтению с ранних лет, соединяя имена любимых поэтов:

Но любил всего я боле выйти с книгой в поле
И читать, читать на воле вплоть до темноты;
Пушкин, Лермонтов пленяли ум мой и рождали
В сердце радости, печали, страхи и мечты... [9].

«Русский итальянец» демонстрирует глубокое понимание историко-литературного процесса, откликаясь на некоторые вершинные творения Пушкина: на «Евгения Онегина» — романом в стихах «Русская Держава»; на «Маленькие трагедии» — драматической поэмой «Распятие»; на трагедию «Борис Годунов» и поэму «Медный всадник» — одноименными стихотворениями; на «Безверие» — многими стихотворениями, в частности «Вера», «Истина»; на «Странника» — стихотворениями «Странник», «Страннику», «Страннице»; на «Отцы-пустынники и жены непорочны...» из «Каменноостровского цикла» — стихотворением «Молитва» (1922).

В сонете «Кавказ», как видения, возникают воспеты Пушкиным и Лермонтовым прекрасные и грозные «Громады пестрых скал, обрывы и хребты» и, «Окаменелую гигантскую волною / Всплеснув до синевы бездонной высоты...», бережат душу воспоминаниями о родине, о судьбах любимых поэтов в изгнании, о трудном пути восхождения в Горний мир:

Здесь Пушкин в старину сложил Кавказу гимны,
Здесь Лермонтов бродил среди кремнистых скал,
И Демон перед ним вставал из тени дымной
И горестно являл и горько горевал,
И узнавал себя поэт в чертах виденья,
В словах его — свои терзанья и сомненья [10].

Хотя поэт-эмигрант с раннего возраста «знал много стихотворений и Пушкина, и Лермонтова», но явно обозначил в повести «Детство» как самые любимые в детские годы лермонтовские: «Казачью Колыбельную песню», «Бородино», «Спор», «Три пальмы», «Воздушный корабль» [8, с. 88]. Образ Демона помогает поэту-изгнаннику передать чувство горечи от утраты Отчизны, усиленное использованием в одной строке слов с одинаковыми и паронимичными корнями: «И горестно являл и горько горевал», а также повтором союза *и*, символизирующего вечность, как продолжение библейских традиций пушкинского «Пророка».

В споре с современниками — поэтами и друзьями — Сумбатов также обращался к любимым поэтам:

Раскроешь Пушкина, читаешь с умилением:
«Редает облаков летучая гряда...»
И вдруг оглянешься с тоской, с недоумением, —
Да было ль это? Было ли когда?
Да, было! Вон она — на дне гнилой пучины
Былая красота погребена,
А на поверхности — узоры смрадной тины
Да пузыри, взлетевшие со дна [11].

На это стихотворение, вошедшее в сборник 1957 года, обратил внимание Ю.К.Терапиано и включил в антологию «Муза диаспоры. Избранные стихи зарубежных поэтов. 1920—1960» [12].

Двухстрочное восьмистишие построено на антитезе — противопоставлении Света и Тьмы, Золото-

го и Серебряного веков русской литературы. Сумбатов обозначает Золотой век эксплицитно, называя имя Пушкина (как знамение эпохи Золотого века) и дословно цитируя строчку его стихотворения. Во втором катрене можно предположить аллюзию на образы из цикла «Пузыри земли» (1904—1905) А.А.Блока (в первую очередь, отметим стихотворения «Болотные чертенятки», «Твари весенние», «Болотный попик», «На весеннем пути в теремок...», «Старушка и чертенята») [13]. Для изображения ключевых образов цикла Блок использовал мрачные краски, слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами («чертенятки», «чертенята», «чертик», «болотный попик», «черная ряска», «старикашка», «старушка» и др.). Вольно или невольно Блок показывал, что «зеленые, крепкие малые / Твари милые, небывалые» («Твари весенние») [14] разбужены эпохой начинающейся первой русской революции. Другие духовные ценности утверждаются там, где «в печальном веселье» встречаются весну, где

На западе, рдея от холода,
Солнце — как медный шлем воина,
Обращенного ликом печальным
К иным горизонтам,
К иным временам... («На перекрестке...») [15].

Сумбатов, как истинный поэт, высоко ценил гениальную одаренность Блока и в своих произведениях вступал в диалог с предшественником неоднократно [16]. Однако, как глубоко верующий православный человек, поэт-эмигрант не мог согласиться с духовными поисками ни символистов, ни футуристов, осознавая, что бесовские силы погубили «былую красоту», низвергнув на дно «гнилой пучины» истинные ценности, утверждаемые творчеством Пушкина и Лермонтова, и подняв на поверхность «узоры смрадной тины / Да пузыри, взлетевшие со дна». Контраст эпох усилен слиянием фигур поэтического синтаксиса (градацией риторических вопросов и восклицания), вопросно-ответной формой, троекратным лексическим повтором слова «было», предвещающим разрешение «былая красота погребена».

Так Пушкин в споре с современниками помогал Сумбатову противостоять неверию и сомнению, отступлению от основ православия.

Кроме того, поэт первой волны русской эмиграции, будучи наследником лучших традиций русской классической литературы, необычайно остро чувствовал биение пульса современной эпохи, а также глубоко переживал события давно прошедших лет. «Чем в настоящем жить труднее, / Тем чаще в прошлое глядим, — писал Сумбатов в стихотворении «Стансы» [17].

Одной из «притягательных» эпох для Сумбатова, следующего по стопам Пушкина и Лермонтова, стали судьбоносные для Отечества годы рубежа XVI—XVII веков — эпоха правления Ивана Грозного и Смутного времени. Тайны исторических событий этой переломной эпохи, на многие века определившей развитие Государства Российского, издавна привлекали внимание и историков, и художников слова.

Имя Малюты Скуратова упоминается Сумбатовым и в сонете «Борис Годунов» [18], и в стихотво-

рении «Песня опричника» [19], с одной стороны, напоминая о судьбе святого митрополита Филиппа², древний боярский род которого родствен царской семье Романовых; с другой — отсылающем к поэме М.Ю.Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» [20]. Один из центральных героев поэмы Лермонтова — «молодой боец», «добрый молодец» опричник Кирибеевич, верный слуга грозного царя Ивана Васильевича. В стихотворении Сумбатова песню поет удалой, облаканный Царем опричник (лирический герой стихотворения), которому и от людей «почесть всякая везде». Пёсья морда, притороченная «у красного седла», «да колючая метла», да горящие «в яхонтах на солнышке» сабли — снаряжение сумбатовского опричника — «Всем крамольникам на страх да на покор». «Парчевой кафтан», «шапка соболиная», «сабля закаленная» — снаряжение Кирибеевича. Нельзя не вспомнить, что в поэме Лермонтова царь Иван Васильевич обращается к любимому опричнику:

Неприлично же тебе, Кирибеевич,
Царской радостью гнушаться;
А из роду ты ведь Скуратовых,
И семьею ты вскормлен Малютиной!.. [20, с. 334].

Весёлой песенной риторикой и интонацией достоверно передана Сумбатовым жестокость верных государевых слуг, под руководством возглавившего опричный террор Малюты Скуратова:

Гей ты, земщина! Дорогу, сторонись!
Берегись, — пощечочу тебя копьём.
Спесь боярская, подальше хоронись, —
А не то и с головой тебя собьем!

Ты, боярин, супротивничать горазд, —
Вот уж тебе Малюта наш задаст! —
Вздернут, будь ты хоть семи пядей во лбу,
На веселую затейницу — дыбу!

Царской воле много ставится препон
От бояр да от служилых от княжат!
Царь наш батюшка изменой окружён,
Извести его крамольники хотят.

Сумбатов ценил это стихотворение, о чем писал И.А.Персиани, переживая о судьбе сонета, мечтая видеть его опубликованным: «Уж если что “потом пахнет”, так “Песня опричника”, которую я долго и тщательно отделявал. Это стихотворение я ставлю очень высоко и очень хотел бы видеть его напечатанным. Мне нет никакого дела до политических настроений читателя, я писал не политический памфлет, а маленькую картинку прошлого. О прошлом русская поэзия уже давно молчит, исторические стихотворения кончились с А.Толстым и Меем» [21].

Историософское мышление, глубинное понимание происходящего в контексте истории и вечности приводят Сумбатова к выводам, которые находят отражение и в сонете «Борис Годунов», и в «Песне опричника»: должно помнить, что главное для русского человека — судьба Отечества, земного и Небесного; важно, чтобы была «совесть перед родиной

чиста», чтобы подданные были «рады до смерти служить» Государю, «Рады голову за батюшку сложить», потому что «Без Царя Руси великою не быть!» [19, с. 308].

Любовь к родной земле, воспитанная в родительском доме и в доме «тетушки-бабушки» графини Н.М.Соллогуб, закалилась в боях Первой мировой войны и значительно окрепла в годы вынужденного изгнания. Произведения Сумбатова вошли в антологию «Дым Отечества: Стихи о России» наряду с произведениями Пушкина и Лермонтова. Стихотворение-поэма «За все!» [22], включенное в антологию, свидетельствует о глубоком понимании исторического процесса, неразрывной связи истории России с Отечеством Небесным:

Россия! Россия! Люблю беззаветно
Тебя я за сказки, преданья, былины,
Люблю за Микулу, Илью и Садко,
За песен старинных напев самоцветный.
В котором и удаль, и страсть, и кручины
Звучат широко и легко!
За Новгород, гордый богатством и волей,
Родивших ушкуйников смелое племя,
За буйное вече, за храмов красу,
За честь Куликова победного поля,
За схимников в латах с крестами на шлеме,
За Сергия келью в лесу!..

В поэме прославляются защитники Отечества, их честная служба, отвага, «стойкость в лишениях / Служилых людей, закалённых во брани», «сиянье меча боевого», вера и «верность седых воевод», «самозабвенье в бессчетных сраженьях», «крепость традиций <...> многославных полков»; предстают бескрайние просторы России; перечисляются важнейшие исторические события, многократно повторяемая анафора «люблю за» помогает осознать силу ностальгического чувства поэта-эмигранта.

«Русский римлянин» не только высоко ценит вклад «поэтов — художников слова, / Чья память и слава сверкают зарницей / Сквозь серый туман пролетевших годов», но и любит Россию «за иконные тёмные лики / В передних углах, за напев похоронный, / Исполненный скорбной святой красоты», и «за цветные лампадные блики», и «за пасхальный триумф многозвонный, / За пустыни и за скиты!...». Так взор поэта-эмигранта устремляется из мира дальнего в мир Горний, расширяя пространство и время до вечности и бесконечности.

Ведя диалог с А.С.Пушкиным и М.Ю.Лермонтовым, В.А.Сумбатов предстает самобытным поэтом, справедливым историком, мудрым философом — неординарной личностью, способной и в глубинах веков, и творчестве гениальных предшественников искать ответы на актуальные проблемы своей эпохи.

Примечания

1. В повести «Детство» автор оставил реальные имена, поэтому повествование ведется от лица автобиографического героя Василька; а в ранее написанной повести «Отрочество» В.А.Сумбатов главному герою дал имя отца — Саша. [Сумбатов В.А. Ковёр над бездной. [Ч. II]. Отрочество / Подг. к печати Л.Ф.Алексеевой].

2. Следует отметить, что Сумбатов после смерти отца воспитывался в семье Н.М.Соллогуб, урожденной Боде-Кольчевой, чья семья свято хранила память о своем предке — прославленном в лике святых митрополите Филиппе, задушенном Малютой Скуратовым.

1. Сумбатов В.А. Старовер // Сумбатов В.А. Прозрачная тьма: Собр. стихотв. Pisa; М.: Водолей Publishers, 2006. С. 59-60.
2. Сумбатов В.А. Стихотворения. Мюнхен: Град Китеж, 1922. 130 с.
3. См., например: Алексеева Л.Ф. Поэзия В.А.Сумбатова в контексте литературного процесса XX века // Малоизвестные страницы и новые концепции истории рус. лит. XX в.: Материалы Междунар. науч. конф.: Москва, МГОУ, 24—25 июня 2003 г. Вып. 1: Рус. лит. конца XIX — начала XX в. Лит. Рус. зарубежья 1920—1930-х гг. Междунар. сб. науч. тр. / Ред.-сост. Л.Ф.Алексеева и В.А.Скрипкина. М.: Каталог, 2003. С. 90; Алексеева Л.Ф. «Русская Держава» В.А.Сумбатова как роман в стихах: освоение пушкинской традиции // Малоизвестные страницы и новые концепции истории рус. лит. XX в.: Материалы Междунар. науч. конф.: Москва, МГОУ, 27—28 июня 2005 г. Вып. 3. Ч. 1. Лит. Рус. зарубежья / Ред.-сост. Л.Ф.Алексеева. М.: Водолей Publishers, 2006. С. 8-16 и др.
4. Значительное количество работ посвящено роли Пушкина и Пушкинских дней в Русском зарубежье. См., например: Филин М.Д. Зарубежная Россия и Пушкин: опыт изучения. Материалы для библиогр. (1918—1940). М.: Дом-Музей Марины Цветаевой, 2004. 431 с.; Савченко Т.К. «День русской культуры» в среде русской эмиграции первой волны // Polilog. Studia Neofilologiczne. Slupsk (Польша): Wydawnictwo Naukowe Akademii Pomorskiej w Slupsku, 2012, № 2. С. 143-154 и др.
5. День культуры // День Русской Культуры: Однодневная газ. изд. Союза рус. писателей и журналистов в Париже, Комитета помощи писателям и учёным, Рус. академического союза и Народного ун-та. Париж, 1926, 8 июня. С. 1. (Цитата дается по вышеуказанной статье Т.К.Савченко. С. 146).
6. Летаева Н.В. Лермонтовский интертекст в творчестве Ю.Фельзена // Слово — образ — текст — контекст: Материалы Всерос. научно-метод. конф. Одинцово: АНОО ВПО «Одинц. гум. ин-т», 2012. С. 21-33.
7. Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов: Из наследия первой эмиграции / Сост., вступ. ст. и ком. М.Д.Филина. М.: Русский мир, 1999. 288 с. (Стихотв. В.А.Сумбатова («Так просто...»), посвященное Ирине Одоевцевой, с. 192).
8. Сумбатов В.А. Ковёр над бездной. [Ч. I]. Детство / Подг. текста к печати и публ. Е.М.Сумбатовой и Л.Ф.Алексеевой // Роман-журнал XXI век: Путеводитель рус. лит. М.: Ред.-изд. дом «Роман-журнал XXI век», 2004. № 11-12 (71-72). С. 65-101.
9. Сумбатов В.А. Сны воспоминаний // Сумбатов В.А. Прозрачная тьма... С. 34.
10. Сумбатов В.А. Кавказ // Сумбатов В.А. Прозрачная тьма... С. 226.
11. Сумбатов В.А. «Раскроешь Пушкина, читаешь с умилением...» // Сумбатов В.А. Прозрачная тьма... С. 177-178.
12. Сумбатов В.А. В костре заката тлеют головни. Апельсин и яйцо. «Раскроешь Пушкина, читаешь с умилением...». Осенние краски // Муза диаспоры. Избр. стихи зарубежных поэтов. 1920—1960 / Под ред. Ю.К.Терапиано. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1960. С. 303-307.
13. Блок А.А. Пузыри земли // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Наука, 1997. Т. 2. С. 9-21.
14. Блок А.А. Твари весенние // Блок А.А. Указ. соч. С. 13-14.
15. Блок А.А. «На перекрестке...» // Блок А.А. Указ. соч. С. 11.
16. О диалоге с Блоком неоднократно писала Л.Ф.Алексеева. См.: Алексеева Л.Ф. Полилог в поэме В.А.Сумбатова «Без Христа» // Язык. Система. Личность. Материалы

- докладов и сообщений междунар. конф. 23—25 апр. 1998 г. Екатеринбург, 1998. С. 7-8; Алексеева Л.Ф. Творчество В.А.Сумбатова в контексте поэзии Серебряного века: диалог с Блоком // Словесное искусство Серебряного века и Рус. зарубежья в контексте эпохи: Сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч. конф. Москва, МГОУ, 15—16 сент. 2011 г. Ч. II. Рус. зарубежье. Продолжатели традиций. М.: ООО «ЮНИАКС», 2012. С. 1-12. Автор данной статьи привлекает стихи Блока для сопоставления и в других работах. См.: Титова Н.С. Стихотворение В.А.Сумбатова «Страшные вести»: в контексте традиций // Междунар. научн. конф. «Словесное ис-во Серебряного века и Рус. зарубежья в контексте эпохи». М.: МГОУ, 2010. С. 92-99; Титова Н.С. В.А.Сумбатов и А.А.Фет: к вопросу о диалогическом взаимодействии // Вестник МГОУ. Сер. «Рус. филология». М.: МГОУ, 2012. № 5. С. 132-138 и др.
17. Сумбатов В.А. Стансы // Газ. «Новое время». Белград, 1928, 7 апр. № 2081. С. 2.
 18. См.: Титова Н.С. Сонет В.А.Сумбатова «Борис Годунов»: диалог с А.С.Пушкиным // Вестник МГОУ. Сер. «Рус. филология». М.: МГОУ, 2014. № 5. С. 155-161.
 19. Сумбатов В.А. Песня опричника // Сумбатов В.А. Прозрачная тьма... С. 307-308.
 20. Лермонтов М.Ю. Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова / Текст подгот. Л.Н.Назарова // Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. Т. 2. С. 333-346.
 21. Сумбатов В.А. Письма И.А.Персиани В.А.Сумбатову // РГАЛИ. Фонд № 2294. И.А.Персиани. Л. 7. (Письмо 6. Получено в Белграде 15 (28) февр. 1928 г.).
 22. Сумбатов В.А. За все! // Дым Отечества: Стихи о России [Антология] / Собраны Е.С.Кобяковой. Новосибирск: Правосл. Гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 2001. С. 643-647.
- ### References
1. Sumbatov V.A. Starover [An Old believer]. In: Prozhnaya t'ma [Transparent darkness]: Coll. of poems. Pisa; Moscow, Vodoley Publ., 2006, pp. 59-60.
 2. Sumbatov V.A. Poems. Munich, Grad Kitezh Publ., 1922, 130 p.
 3. Alekseeva L.F. [Poetry of V.A. Sumbatov in the context of literary process of the XX century]. Maloizvestnye stranitsy i novye kontseptsii istorii rus. lit. XX v.: Materialy Mezhdunar. nauch. konf.: Moskva, MGOU, 24—25 iyunya 2003 g. Iss. 1: Rus. lit. kontsa XIX — nachala XX v. Lit. Rus. zarubezh'ya 1920—1930-kh gg. Mezhdunar. sb. nauch. tr. [Little-known pages of new concepts and history of Rus. lit. of the XX century. Int. conf. proc.: Rus. lit. of late XIX-early XX century. Russian émigré literature of the 1920-1930-ies]: coll. of research papers]. Moscow, Katalog Publ., 2003, p. 90; Alekseeva L.F. ["Russian Empire" by V.A. Sumbatov as a novel in verse: mastering Pushkin's tradition]. Maloizvestnye stranitsy i novye kontseptsii istorii rus. lit. XX v.: Materialy Mezhdunar. nauch. konf. : Moscow, MGOU, June, 27—28, 2005 g [Little-known pages of new concepts and history of Rus. lit. of the XX century. Int. conf. proc]. Iss. 3. Part. 1. Lit. Rus. zarubezh'ya. Moscow, Vodoley Publ., 2006, pp. 8-16.
 4. Filin M.D. Zarubezhnaya Rossiya i Pushkin: opyt izucheniya. Materialy dlya bibliogr. (1918—1940) [Russian émigré literature: studying Pushkin]. Moscow, Dom-Muzey Mariny Tsvetaevoy Publ., 2004. 431 p.; Savchenko T.K. "Den' russkoy kul'tury" v srede russkoy emigratsii pervoy volny [The first wave of Russian emigration: "The day of the Russian culture"]. Polilog. Studia Neofilologiczne. Slupsk (Poland), Wydawnictwo Naukowe Akademii Pomorskiej w Slupsku, 2012, no. 2, pp. 143-154.
 5. Savchenko T.K. Ibid, p. 146.
 6. Letaeva N.V. [Lermontov's intertext in the works by Fel'zen]. Slovo — obraz — tekst — kontekst: Materialy Vseros. nauchno-metod. konf. [Word — image — text — context: Int. conf. Proc.]. Odintsovo, 2012, pp. 21-33.
 7. Filin M.D. Fatalist. Zarubezhnaya Rossiya i Lermontov: Iz naslediya pervoy emigratsii [Russian émigré literature and Lermontov: from the heritage of the first wave of emigration]. Moscow, Russkiy mir Publ., 1999. 288 p. (Stikhotv. V.A.Sumbatova ("Tak prosto..."), posvyashchennoe Irine Odoevtsevoy, p. 192) [V. Sumbatov's poem ["So simple ..."], dedicated to Irina Odoevceva, p. 192).
 8. Sumbatov V.A. Kover nad bezdnoy [Carpet over the abyss]. P. I. Detstvo [Childhood]. Roman-zhurnal XXI vek: Putevoditel' rus. lit., 2004, no. 11-12 (71-72), pp. 65-101.
 9. Sumbatov V.A. Sny vospominaniy [Dreams of memories]. In: Sumbatov V.A. Prozhnaya t'ma... p. 34.
 10. Sumbatov V.A. Kavkaz [The Caucasus]. In: Sumbatov V.A. Prozhnaya t'ma... p. 226.
 11. Sumbatov V.A. "Raskroesh' Pushkina, chitaesh' s umilen'em..." ["I'm opening the Pushkin's book and reading it with pleasure"]. In: Sumbatov V.A. Prozhnaya t'ma... pp. 177-178.
 12. Sumbatov V.A. V kostre zakata tleyut golovni. Apel'sin i yaytso. "Raskroesh' Pushkina, chitaesh' s umilen'em...". Osennie kraski [The fire nearly burning. Orange and food. ["I'm opening the Pushkin's book and reading it with pleasure". Autumn colours. In: The sel. poems of foreign poets. 1920—1960]. Frankfurt-am-Main, Posev Publ., 1960, pp. 303-307.
 13. Blok A.A. Puzryi zemli [The earth hath bubbles]. In: Blok A.A. Completed works and letters in 20 vols. Moscow, Nauka Publ., 1997. Vol. 2, pp. 9-21.
 14. Blok A.A. Tvari vesennie [Creatures of spring]. In: Blok A.A. Op. cit., pp. 13—14.
 15. Blok A.A. "Na perekrestke..." ["At the crossroads"]. In: Blok A.A. Op. cit., p. 11.
 16. Alekseeva L.F. [Polilogue in V.A. Sumbatov's poem "Without Christ"]. Yazyk. Sistema. Lichnost'. Materialy dokladov i soobshcheniy mezhdunar. konf. 23—25 apr. 1998 g [Language. System. Personality. Int. Conf. Proc.] Ekaterinburg, 1998, pp. 7-8; Alekseeva L.F. Tvorchestvo V.A.Sumbatova v kontekste poezii Serebryanogo veka: dialog s Blokom. Slovesnoye iskusstvo Serebryanogo veka i Rus. zarubezh'ya v kontekste epokhi: Sb. nauch. tr. po materialam Mezhdunar. nauch. konf. Moskva, MGOU, 15—16 sent. 2011 g. [Poetry by Sumbatov in the context of the poetry of Silver age: dialogue with the Blok] Part II. Rus. zarubezh'e. Prodolzhateli traditsiy [Russian emigre. Following the tradition]. Moscow, 2012, pp. 1-12. Titova N.S. [V.A.Sumbatov's poem "Bad news": following the tradition]. Int.Conf. Proc. "Slovesnoye is-vo Serebryanogo veka i Rus. zarubezh'ya v kontekste epokhi". [Verbal arts of the Silver age and Russian émigré arts: in the context of the epoch]. Moscow, MGOU, 2010, pp. 92-99; Titova N.S. V.A.Sumbatov i A.A.Fet: k voprosu o dialogicheskom vzaimodeystvii [V.A.Sumbatov and A.A.Fet: carrying on a dialogue]. Vestnik MGOU. Ser. "Rus. Filologiya". Moscow, MGOU, 2012. no. 5, pp. 132-138.
 17. Sumbatov V.A. Stansy [Stanzas]. In: Novoe vremya. Belgrad, 1928, 7 apr., no. 2081, p. 2.
 18. Titova N.S. Sonet V.A.Sumbatova «Boris Godunov»: dialog s A.S.Pushkinym [Sonnet by V.A.Sumbatov «Boris Godunov»: dialog with A.S.Pushkin]. Vestnik MGOU. Ser. "Rus. Filologiya". Moscow, MGOU, 2014, no. 5, pp. 155-161.
 19. Sumbatov V.A. Pesnya oprichnika [Oprichnik's song]. In: Sumbatov V.A. Prozhnaya t'ma... pp. 307-308.
 20. Lermontov M.Yu. Pesnya pro tsarya Ivana Vasil'evicha, mladogo oprichnika i udalogo kuptsa Kalashnikova [A song about Tsar Ivan Vasilyevich, the young oprichnik, and the valorous Merchant Kalashnikov]. In: Lermontov M.Yu. Works in 4 vols. Leningrad, Nauka Publ., 1980. Vol. 2, pp. 333-346.
 21. Sumbatov V.A. Pis'ma I.A.Persiani V.A.Sumbatovu [Letters from I.A.Persiani to V.A.Sumbatov]. RGA LI. F. 2294. I.A.Persiani. L. 7. (Letter no. 6. Received in Belgrad on 15 (28) Febr. 1928).
 22. Sumbatov V.A. Za vse! [For everything]. In: Dym Otechestva: Stikhi o Rossii [Poems about Russia]. Novosibirsk, 2001, pp. 643-647.